

УДК 1: 316. 4

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
И КОНСТИТУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА:
ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ
(СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)**

С.В. Козлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается проблема легитимации социального порядка и стратегий, выступающих формами организации и реализации социальных взаимодействий. Анализ осуществляется на основе идей социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана, структурного функционализма Т. Парсонса, а также с привлечением концептуальных ресурсов теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

***Ключевые слова:** социальные взаимодействия, социальный порядок, конституирование социального порядка, стратегии, жизненный мир, легитимация.*

Современное постметафизическое социальное теоретизирование, утвердившееся на фоне кризиса субстанциалистских социально-философских построений, подразумевает отказ от каких-либо постулатов относительно природы социальной реальности кроме наличия многообразия интеракций и коммуникативных связей, ее конституирующих. В контексте такого видения весьма актуальным оказывается осмысление проблемы конституирования социальной реальности, включая вопрос о легитимации создаваемого порядка взаимодействий, а также стратегий, выступающих формами его организации и реализации.

Общество может быть представлено в качестве сложного переплетения различных «порядков»: как «сознательных» – созданных и функционирующих по заранее разработанным планам, правилам, так и «спонтанных». Складываясь в ходе длительной социальной эволюции, последние не являются воплощением чьего-либо замысла и координируются не за счет подчинения некоей общей цели, а за счет следования имманентным им правилам. Речь идет в таком случае о самоорганизующихся и саморегулирующихся структурах (например, нравы и обычаи, мораль, естественно формирующийся уклад жизни и хозяйственной деятельности и т. п.), которые в плане своего генезиса оказываются непреднамеренным продуктом человеческого действия и составляют основу определенного социума [4, с. 104]. При этом сами основополагающие социальные связи, отношения, структуры, будучи результатом естественно-исторического процесса, неминуемо оказываются предметом целенаправленной активности людей, ориентированной на рационализацию их жизненного мира, в условиях усложнения и дифференциации которого все большую роль начинают играть специализированные, сис-

темные механизмы и факторы интеграции пространства социальных взаимодействий.

Очевидно, что разворачивание ориентированных в данном русле стратегий социального развития (имеются в виду прежде всего модернизационные стратегии) предполагает их встраивание в наличные структуры общества как полисубъектного образования. А это подразумевает и ориентацию на доминирующие в социуме представления о легитимном порядке, его смысле, значимости, что, впрочем, (в тех или иных пределах) не исключает возможности целенаправленного формирования соответствующих представлений.

Определенный порядок социальных взаимодействий обычно связан с некими представлениями о легитимности и смысле легитимного порядка [2, с. 636–643]. Конститутивный характер этих представлений заключается в том, что они задают своеобразный масштаб осуществления самых разнообразных практик, масштаб практик допустимых и недопустимых и могут восприниматься в качестве некоей безусловной данности. При этом сам механизм их порождения связан с социальной практикой, в ходе которой и происходит кристаллизация определенных «образов легитимности». Здесь весьма обоснованным представляется утверждение о том, что хотя «“практика легитимации” – это лишь одна из компонент социальной практики, но она наделена особым статусом», так как «равнозначна обоснованию и оправданию, доказательству “справедливости” существующего поля, существующих отношений и институтов» [5, с. 65]. Суть в том, что наличный порядок воспроизводится и самолегитимируется через мотивированность поведения и отношений социальных акторов в соответствии с определенными связываемыми с ним устойчивыми «субъективно подразумеваемыми смыслами». В такой перспективе легитимация и воспроизводство социальных порядков оказываются взаимосотнесенными и подразумевающими друг друга аспектами их функционирования.

Особенно очевидным это становится в условиях масштабных кризисов, когда происходит деструктурирование всей системы социальных практик, взаимодействий, осуществляемых субъектами, а также системы социальных, политических, культурных и иных представлений. В итоге происходит и деструктурирование практики самолегитимации общества, которая распадается на несколько частных подвидов, осуществляемых разными позициями и конкурирующих между собой. Потеря консенсуса по поводу «образа легитимности», легитимных и нелегитимных практик делает проблематичным осознание обществом самого себя как единого целого, затрудняется его самоидентификация, теряется стратегическая перспектива развития.

В таких условиях интеграция общества предполагает активную роль власти в процессе преодоления кризисных явлений. Но будут ли данные устремления власти, и прежде всего сами решения накопивших-

ся в обществе проблем, навязываемые ею, легитимными в глазах членов данного общества? В ситуации аномии, когда происходит разрушение (или, по крайней мере, рассогласование) многих основополагающих представлений и норм, обеспечивавших до сих пор интеграцию единого пространства социальных взаимодействий, успех и продуктивность действий власти зависят в значительной степени от ее умения использовать, стимулировать, направлять в определенное русло происходящие в социуме процессы самоорганизации. В свою очередь, достигаемые успехи оказываются важным фактором, легитимирующим власть и ее мероприятия.

В то же время легитимация власти, ее социально-политических стратегий в условиях кризисного, деструктурированного общества сопряжена с необходимостью формирования нормативно-прагматической среды восприятия, мышления, общения и действия, которая координирует и субординирует все многообразие практик (социальных, экономических, политических, культурных и т. п.), осуществляемых акторами, интегрирует общество и придает складывающемуся порядку характер легитимности [5, с. 65]. Нетрудно заметить, что в данном случае речь идет о необходимости разработки и осуществления властвующей элитой стратегии долговременного устойчивого развития общества, которая задает основополагающие ориентиры и цели развития, полагает и утверждает определенный образ общества и власти, осуществляет на основе ценностной рациональности и прагматических критериев их обоснование и легитимацию. Подобный стратегический курс реализуется как «простраивание» общего социального пространства, задающего в дальнейшем порядок будущих социальных взаимодействий. В идеале это «искусственная» форма, перерастающая в естественное эволюционное движение общества.

Проектирование и реализация подобных социально-политических стратегий предполагает в качестве важного условия разработку нормативно-правовой базы планируемых мероприятий. Через законодательное фиксирование происходит юридическое оформление и обоснование определенных социальных практик. Закон (как и норма вообще) регулирует отношения, устанавливает их порядок и пропорции, учреждает структуры, институты и другие регулятивные механизмы, «аппараты» общества. Таким образом, происходит законодательное выстраивание среды будущих социальных взаимоотношений. Сам закон подразумевает (и фиксирует) право власти использовать закон как одно из своих средств, при этом в законе определенным образом «материализована» и идеология власти, государства [7, с. 50–51].

Но дело в том, что рационально-правовые механизмы функционирования власти и общества нуждаются в их признании обществом, они не могут эффективно действовать, не будучи укорененными, «опривыченными» на уровне сознания и жизненных практик индивидов.

Значимость права как такового не может быть гарантирована лишь силой внешнего принуждения. В свое время М. Вебер акцентировал, что именно нравы, обычаи, ценности, распространенные в обществе, обеспечивают праву легитимность [2, с. 634, 636–637]. Тем самым достигается значимость связываемого с правом смысла социального поведения (как поведения «правового»), его норм, требований, позитивное их принятие индивидами, восприятие их нарушения как нонсенса, антиобщественного действия. При этом надо иметь в виду своеобразную круговую зависимость легальности и легитимности: власть, конечно, может осуществить легализацию определенных практик, отношений, законодательно установить их, но, если они будут противоречить установкам и ценностным приверженностям общества или отдельных его слоев, то будут восприниматься носителями данных представлений в качестве нелегитимных, негативно сказываясь на представлениях о легитимности самой власти и обоснованности ее полномочий.

Обращение к проблеме конституирования и воспроизводства социального порядка центрирует наше внимание на сферах интеграции социального пространства, на механизмах, посредством которых такая осуществляется. При этом, имея в виду современную парадигму рациональности, сама стратегическая перспектива социума должна быть осмысляема в контексте коммуникативной установки. Как справедливо утверждает Ю. Хабермас, интерактивный процесс (процесс взаимодействия субъектов), включая в себя стратегическое действие и собственно коммуникацию и предполагая непрерывную рационализацию жизненного мира, оказывается основополагающим ресурсом развития общества. Суть в том, что коммуникативное взаимодействие субъектов, будучи первичным по отношению к действию сугубо инструментальному (сопряженному в конечном итоге с установкой на покорение мира), является сферой непрестанного научения и разрешения проблем, способствующих социальной и системной интеграции общества [3, с. 13].

Следуя в русле разделяемой Ю. Хабермасом парадигмы жизненного мира и имея в виду интеграционные процессы в социуме, важно заострить внимание на различии и одновременно взаимосвязи, взаимовлиянии процессов социальной и системной интеграции. Если *на системном уровне* интеграционные процессы осуществляются за счет формально организованных «сфер действия» (экономической и административно-управленческой прежде всего), ориентированных в русле операциональности, эффективности собственного функционирования, то *на уровне собственно социальном* интегрированность всякого общества обеспечивается посредством ценностей, норм, смыслов, укорененных в структурах intersubъективного жизненного мира. Жизненный мир есть непосредственно переживаемый субъектами мир повседневности, социальных очевидностей. Основу его составляют передаваемые через культуру языково-организованные толкования мира. Формируя контекст ин-

струментальной деятельности и интерактивного процесса, жизненный мир одновременно выступает в качестве резервуара, «из которого участники коммуникации черпают убеждения, чтобы в ситуации возникшей потребности во взаимопонимании предложить интерпретации, пригодные для достижения консенсуса». Как таковой жизненный мир может быть нами представлен, «поскольку ... привлечен к рассмотрению в качестве ресурса интерпретаций как языково-организованный запас изначальных допущений, предпочтений, которые воспроизводятся в виде культурной традиции» [13, s. 591].

Очевидно, что жизненный мир не может не быть построен на солидарности. На его уровне легитимные порядки, через которые участники коммуникации устанавливают свою принадлежность к социальным группам и тем самым обеспечивают солидарность (эти легитимные порядки и есть общество), соотнесены со структурами создаваемой языковыми средствами intersубъективности, культуры [11, с. 110–117].

Общество как таковое может быть охарактеризовано господствующей формой социальной интеграции. В условиях развития системных интегрирующих механизмов, прогрессирующей рационализации общественного бытия жизненный мир (представ в качестве сфер приватности и общности, испытывающих влияние, а зачастую и трансформирующее давление системных факторов) оказывается лишь определенной сферой, подсистемой общества, но при этом он остается такой сферой, которая определяет состояние общественной системы в целом. Очевидно, что сами целерационально ориентированные, системные механизмы социального функционирования, «колонируя» жизненный мир, трансформируя его в соответствии с имманентными себе императивами [12, s. 504–522], нуждаются в укоренении в жизненном мире, в том числе и в сфере повседневности.

Показательно, что современный социально-философский дискурс о кризисе легитимности, активно развернувшийся на Западе в 60–70-х гг. прошлого века, рассматривает таковой (кризис легитимности) в том числе и в аспекте происходящего разрыва между «системными механизмами» рационализации социального бытия и жизненным миром. Такой ход мысли был предвосхищен идеями М. Вебера, утверждавшего в начале XX в., что именно рационально-бюрократический механизм, составляющий основу современного государства, взятый в своем чистом виде, наиболее предрасположен испытывать дефицит легитимности как лишенный собственного ценностного фундамента. В качестве выхода немецкий социолог, как известно, видел «цезаристски-плебисцитарную демократию», задействующую ресурс харизматических качеств политических лидеров, непосредственно апеллирующих к массам [2, с. 678–689]. Но здесь надо отметить, что сами рационально-легальные механизмы, будучи обосновываемы эффективностью своего функционирования (в случае наличия таковой), а также «опривычива-

я» и тем самым входя постепенно в традицию, де-факто компенсируют недостающую им первоначально легитимность. Речь идет, с одной стороны, о приведении данных механизмов, связанных с ними практик в соответствие с ценностным фундаментом общества (насколько это адекватно другому?), а с другой, как уже было сказано, о «колонизации» таковыми жизненного мира, сфер приватности и общественности (последствия чего могут быть в перспективе и весьма неоднозначными [12, с. 504–522]). При этом, безусловно, надо осознавать, что на Западе данные процессы в самых своих основаниях (с начала Нового времени) были сопряжены и одновременно стимулировали «политические и культурные условия, которые закрепляли трудовую мотивацию... формировали автономного индивида с его ответственной свободой и государство, находящееся под контролем гражданского общества» [10, с. 240].

Обращаясь в этом контексте к теоретическим ресурсам структурного функционализма (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.), возникновение новых «социальных порядков» возможно описать как процесс, в ходе которого определенные представления, приобретая характер групповых, коллективных, трансформируются в социальные структуры. Суть здесь заключается именно в том, что институализированные ценностные образцы, возникая на социальном уровне в виде коллективных представлений, определяют желаемый тип социальной системы. «Эти представления соотносятся с концепциями типов социальных систем, с помощью которых индивиды ориентируются при реализации себя в качестве членов общества. Следовательно, именно консенсус членов общества по поводу ценностных ориентаций их собственного общества означает институализацию ценностного образца. Безусловно, такого рода консенсус достигается в разной степени» [8, с. 21]. При этом, как справедливо утверждал Т. Парсонс, «общество является самодостаточным в той мере, в какой его институты легитимизированы ценностями, которые разделяются его членами с относительным согласием и которые в свою очередь легитимизированы благодаря соответствию членов общества другим компонентам культурной системы, в особенности ее конститутивному символизму» [там же, с. 22]. Очевидно, что институализация и легитимация социальной структуры выступают здесь как взаимосвязанные аспекты единого процесса.

Обсуждая механизмы интеграции пространства социальных взаимодействий, акцентируем видение общества как единства объективного (институционального) и субъективного (содержащегося в сознании людей). Институализация и легитимация определенных практик и структур предстают в таком случае в широком контексте процессов «социального конструирования реальности». Отметим, что данное понятие связано с феноменологической социальной теорией. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, речь идет о процессах, в ходе которых любая система «знания» становится социально признанной в качестве «реаль-

ности» [1, с. 31, 112] («знание» и «реальность» здесь закавычены, так как в первом случае имеется в виду своего рода «фабрика значений», включающая в себя как специализированное, теоретизированное знание, так и повседневные представления; а во втором случае акцентируется наличие конвенционального момента в том, что принято считать «реальностью»). Основополагающая роль в социальном конструировании реальности принадлежит именно повседневности и сфере жизненного мира (они, как было отмечено, суть контекст и «фабрика исходных значений», в том числе и для специализированного, теоретического знания). При этом сама «повседневная реальность является обычно непоблематизируемой». Она почти автоматически воспроизводится «через традицию, память, передаваемые из поколения в поколение знания и представления» [10, с. 451].

В контексте современных российских и мировых реалий, корректируя феноменологическую перспективу П. Бергера и Т. Лукмана некоторыми идеями структурного функционализма, возможно рассматривать «социальное конструирование реальности» в аспекте «формирования коллективных представлений на основе научных и философских идей, включенных в национальный дискурс и отвечающих общественному настроению». Сам дискурс о «хорошем обществе» предстает при этом как «обсуждение проблемы в философии, науке и, одновременно, за их пределами» («в сфере повседневности и в ряде специализированных областей деятельности и знания») [9, с. 3, 4]. Акцент здесь важно сделать, как справедливо утверждает В.Г. Федотова, именно на том, что «без коллективных представлений, достигнутых в результате типизации, и усилий, направленных в радикально меняющемся обществе на достижение типизации и формирование коллективных представлений (через деятельность ученых, СМИ, общественных организаций, литературу, искусство, образование, творчество выдающихся людей), социальная структура в целом и деятельность других институтов не может быть обеспечена» [10, с. 453], так как именно типизированные коллективные представления выступают основанием институциональной сферы (хотя последняя и не сводится к ним). В такой перспективе «социальное конструирование реальности» предстает как воплощение «идей в соответствующее общество, социально признавшее эти идеи и сделавшее их коллективными представлениями» [9, с. 15].

В соответствии со схемой П. Бергера и Т. Лукмана, подобный процесс конструирования социальной реальности, определенного порядка социальных взаимодействий включает в себя прежде всего хаби-туализацию (опривычивание, рутинизацию) и типизацию определенных представлений и практик, что составляет необходимое условие и основание институализации, когда опривыченные и типизированные социальные реалии превращаются в стандартизированные формы осуществления социальных функций для поддержания общественного воспроиз-

водства и удовлетворения каких-то фундаментальных, социально значимых потребностей (т. е. собственно в институты). Как подчеркивают авторы, «институализация имеет место везде, где осуществляется типизация опривыченных действий деятелями разного рода» [1, с. 92]. При этом полный цикл «социального конструирования реальности» достигается на стадии легитимации, на которой социально конституированные реалии получают оправдание и обоснование не только в плане своего фактического существования и успешного функционирования, но и на уровне культурного символизма, интегрирующего значения, уже свойственные отдельным институциональным процессам, и помещающего их в некую целостную смысловую перспективу [1, с. 151–170]. Как результат всего этого – целостность социума оказывается представлена на уровне институций и одновременно субъективных представлений и практик (в том числе самых обыденных, рутинных).

В ситуации масштабных социальных трансформаций, заимствований, инициированных «верхами», может происходить радикальный разрыв с повседневностью, что предельно затрудняет социальное конструирование как на основании старых, традиционных стереотипов, так и в соответствии с новыми утверждаемыми. Результатом испытываемой обществом травмы может быть расщепление и хаотизация самой сферы повседневности, жизненного мира, когда «воспроизводимый порядок вещей, достигнутый практически и поведенчески, разрушается» [9, с. 11]. Разрушение же «повседневности в случае резких социальных переориентаций разрушает типизацию, образцы взаимодействия и, следовательно, социальную структуру» [10, с. 452]. В таком случае кризис может обнаруживать «апокалипсические» черты («...порвалась связь времен...»), грозя приобрести необратимые формы.

Несколько утрируя, можно сказать, что подобное состояние (в чем-то) сродни тому, что в теории общественного договора Т. Гоббса обозначается как гипотетическое «естественное состояние» (представляемое у британского философа как «война всех против всех»: отсутствие / нарушение устойчивых связей и одновременно неизбежные столкновения по поводу жизненных ресурсов), исходя из которого прослеживается процесс «учреждения общества» как такового (т. е. «учреждения» устойчивых связей, отношений, обязательств, норм и т. п.). «Общественный договор», или некая подразумеваемая конвенция (всегда ли в реальности эксплицируемая?), здесь и конституирует реальность социума. Конечно, концепция, подобная гоббсовской, имеет сугубо дедуктивно-умозрительный характер. Социальный порядок, безусловно, конституируется на различных уровнях. Имея ввиду его как «процессуирующую» реальность (процессуирующую через и посредством действий и взаимодействий индивидов), необходимым представляется сделать акцент именно на его конституированности (или неконституированности) на уровне представлений и практик индивидов.

Следует отметить, что в условиях масштабных социальных трансформаций обнаруживается крайне сложное и противоречивое взаимовлияние макрополитических стратегий, нацеленных на выстраивание определенных форм социальных взаимодействий, социальных структур, и тех спонтанных сдвигов, которые могут происходить на уровне сознания и жизненных практик индивидов, социальных групп, сообществ. Реализация стратегий предполагает их встраивание в наличные структуры общества, в его связи как полисубъектного образования. При этом важна как ориентация на доминирующие в социуме представления о легитимном социальном порядке, его смысле, значимости; так и формирование такой нормативно-прагматической среды восприятия, мышления, общения и действия, которая, будучи соразмерной, гармоничной с проводимым стратегическим курсом, координирует и субординирует многообразие практик, осуществляемых социальными агентами, интегрирует общество и придает этому курсу в целом и конституируемому в ходе его осуществления порядку характер легитимности.

Реализуемые подобным образом стратегии социальных преобразований, обнаруживая свою эффективность и адекватность наличным реалиям и потребностям общества, со временем могут «уходить» в его фундаментальные структуры и начинают в таком случае «естественно» действовать и воспроизводиться в их составе [6]. Происходящие при этом институциональные изменения обнаруживают свою взаимосоотнесенность, взаимообусловленность с теми микроуровневыми социальными процессами, которые проявляются изменением индивидуальных и групповых ценностей, а также жизненных стратегий и практик.

Подводя итог, отметим, что социально-политические стратегии, выступая в качестве форм проектирования и организации социальных взаимодействий, могут легитимироваться на двух основополагающих уровнях: 1) на уровне формально организованных, целерационально ориентированных системных механизмов интеграции социального пространства (прежде всего административно-управленческих и экономических механизмов) в соответствии с принципами эффективности, результативности, оптимальности их функционирования; 2) на уровне «жизненно-мировых ресурсов» и механизмов в соответствии с культурно обусловленными представлениями и стереотипами, укорененными в том числе в сфере повседневности. При этом сами формально организованные системы социального действия, функционирования нуждаются в укоренении, «опривычивании» их на уровне жизненного мира.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-центр, Медиум, 1995. 334 с.

2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Губман Б.Л. Культура и рациональность // Культура и рациональность: Сб. науч. тр. / ред. колл.: Б.Л. Губман и др. Тверь: ТвГУ, 2006. С. 3–15.
4. Капелюшников Р.И. «Дорога к рабству» и «дорога к свободе»: полемика Ф. Хайека с тоталитаризмом // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 99–112.
5. Качанов Ю.Л. Агенты поля политики: позиции и идентичность // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 61–81.
6. Козлов С.В. Стратегии как формы организации и реализации социальных взаимодействий (социально-философский анализ) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2013. № 1. С. 23–34.
7. Кравченко И.И. Власть и общество // Власть: Очерки современной политической философии Запада / под ред. В.В. Мшвениерадзе. М.: Наука, 1989. С. 37–64.
8. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997. 270 с.
9. Федотова В.Г. Социальное конструирование приемлемого для жизни общества (к вопросу о методологии) // Вопросы философии. 2003. № 11. С. 3–18.
10. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
11. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Ю. Хабермаса. Минск: ЗАО «Экономпресс», 2000. 224 с.
12. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt a.M.; Suhrkamp, 1985. Bd. 2: Zur Kritik der funktionalischen Vernunft. 641 s.
13. Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1984. 605 s.

**SOCIO-POLITICAL STRATEGIES AND INSTITUTIONALIZATION
OF SOCIAL ORDER: THE PROBLEM OF LEGITIMATION
(SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT)**

S.V. Kozlov

Tver State University, Tver

The paper examines the problem of legitimation of the social order and strategies understood as forms of organization and implementation of social interactions. The analysis is carried out on the basis of P. Berger's and T. Luckmann's social constructivism ideas, T. Parsons' structural functionalism,

and also with reference to J. Habermas' theory of communicative action conceptual resources.

Keywords: *social interactions, social order, the institutionalization of the social order, strategy, life-world, legitimation.*

Об авторе

КОЗЛОВ Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: koslovserg@yandex.ru

Author information

KOZLOV Sergey Valentinovich – Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: koslovserg@yandex.ru